

— Ты мамку не обижай, баба Мотя, — отдельно, повзрослому, стараясь не картавить, сказала она.

— Дочка, дочка... — Назаровна растерянно взяла Женьку за плечи высохшей рукой. — Разревелась-то... Прости старуху.

Женька, громко всхлипнув, поднялась и прижалась к Назаровне. От новой, не стиранной еще кофты пахло магазином и стряпней. Так когда-то в детстве пахло по праздникам от матери...

Морозный туман стал розовым. Значит, где-то очень низко на юге прорвалось на чистый небосклон солнце. На трассе урчали заиндевелые машины. Иные из них подруливали к столовке — близился обед.

А две женщины тихо плакали, утешая друг друга. Светка тоже успокоилась. У нее свои заботы. Скоро в саду новогодний утренник. А с каждым новым годом — новая жизнь. И бог весть, какой она будет. Все еще впереди.

УМЕР ТИМОФЕИЧ

РАССКАЗ

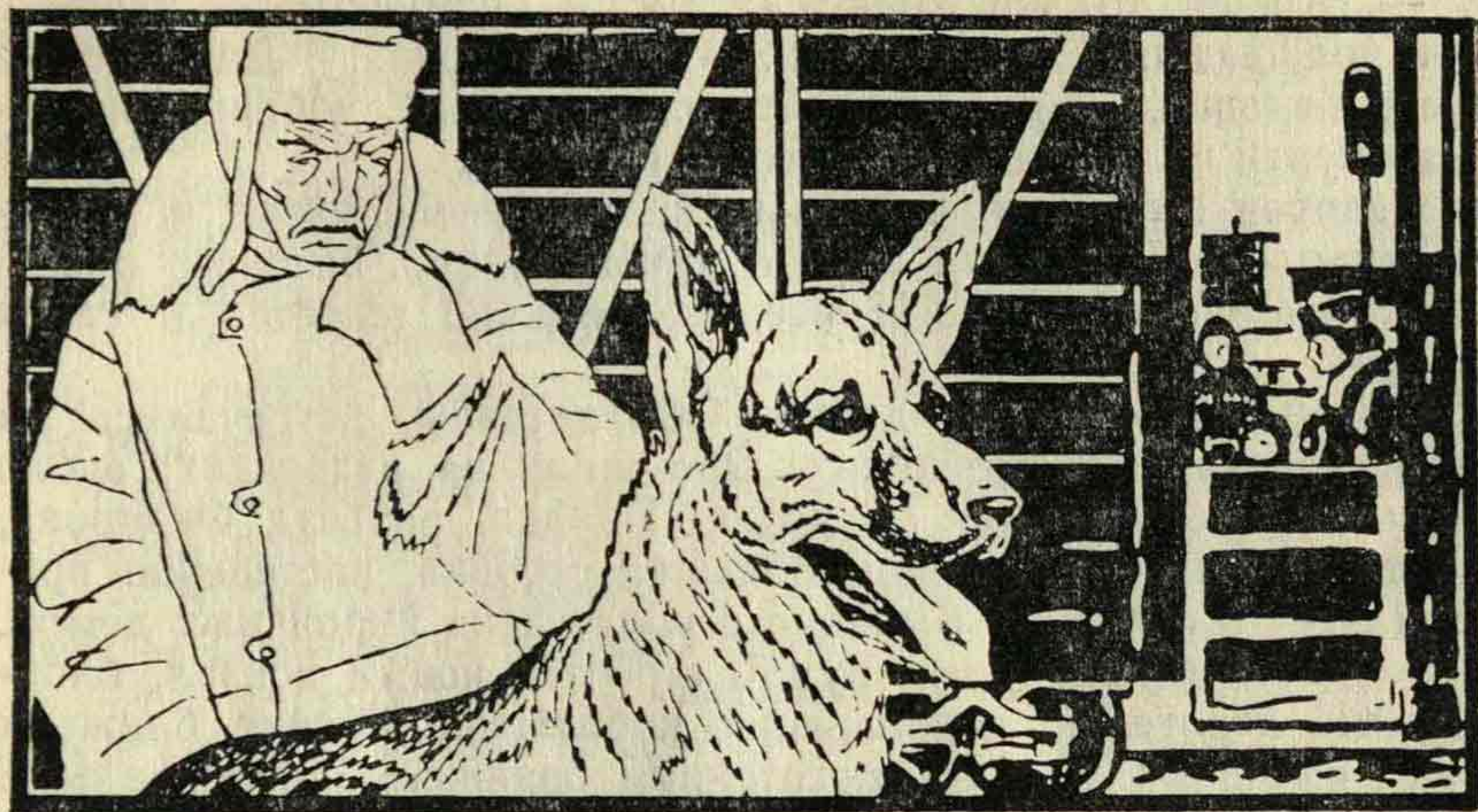
На тормозной площадке товарного вагона сидела взъерошенная собака. Она намучилась, но огрызаться, видимо, еще хватало сил. Рычала, когда к ней пытались подойти, шерсть на загривке пошевеливалась, ноги подбирались для прыжка. И тяжело позвякивала пристегнутая к скобе цепь. Собака была крупная, походила на овчарку, особенно когда вместе с шерстью серой масти торчком вздымались высокие уши.

От заиндевевших после ночного мороза вагонов тянуло зябкой стынью. Солнце блекло намечалось сквозь туман и дым кочегарок.

Пенсионер Федоров, направляясь в вагон-лавку, заметил на путях кучку народа и свернул туда. Судя по тому, как деловито работали вагонники, он понял, что состав подошел недавно, да и любопытствующих было не густо.

— И как она не замерзла? — трясась от холода в наспех накинутой шинельке, сказала дежурная по вокзалу, совсем еще девчонка, приехавшая сюда год назад по комсомольской путевке.

— Не замерзнет, — уверенно возразил парень в скрипучем полушубке и унтах. — Шерсть хорошая. Лишь бы кормленая

была. — Он сдвинул на затылок ушанку. — Видуха-то у нее, конечно, неважнецкая. Опять же — укачало ее, наверно.

— Мужики, кто собаку везет? — обратился к присутствующим его товарищ — тоже в полушубке, но без унтов. — Кто хозяин? — На плече у него висело ружье в черном кожаном футляре.

— Сходи к тепловозу, да и узнай. Может, из бригады...

— В милицию позвонить и в санэпидемстанцию, чтобы в городе встретили, — проворчала фельдшерица. — Глянь, как щерится!

«Цепь самодельная, — отметил Федоров. — Кована в какой-нибудь путейской или деповской кузне. Грубоватая, но добротная. После войны кто-то собачку решил завести, и вот цепочку сковал. А кобелек молодой, года два всего. Неужто охранники с моста отправили за непригодностью? С порчей какой-нибудь, а пристрелить жалко. А может, кто уезжает навсегда и не смог взять с собой. С бумагами одними хлопот-то сколько... А вдруг по договоренности пересылают? — с облегчением подумал Федоров. — И в городе ее встретят. Эх, собачка, собачка... По почте тебя не перешлешь».

Девчонка-дежурная, успевшая сбегать в вокзальчик за куском хлеба, подошла к вагону. Собака заметалась по площадке, туго натягивая цепь, и зарычала. Дежурная, ойкнув, все же успела подбросить кусок к собачьим лапам.

— И не жрет, — вечно недовольная чем-то, проворчала фельдшерица.

— Эге, да это же Конюхова пес, с Гремучего, — проговорил подошедший осмотрщик. — Тимофеича... Да который помер недавно, — радостно, что узнал собаку, добавил он, хотя в смерти человека нет ничего радостного.

Федоров вспомнил, что на прошлой неделе читал в районке некролог. Дистанция пути с прискорбием... бывшего работника, ветерана труда... И все, что обычно пишется в таких случаях.

Тимофеича он знал давно. Оба путейцы, встречались на редких слетах, конференциях. Оба жили на разъездах: около сотни километров друг от друга. Правда, разъезд Федорова, как только началась рядом большая стройка, постепенно превращается в станцию. Выросло с полдесятка кирпичных домов, прибавилось станционных путей, строится новый вокзал, блокпост. На дороге, по направлению к большой стройке, ближе к обеду начинали урчать многотонные оранжевые самосвалы с углем, оставляя за собой сизо-черную смесь сгоревшей солярки и угольной пыли. А Гремучий прикрыли, как и многие другие разъезды: в век автоматике и блокировок они так часто ни к чему.

«Вот и Гремучего очередь подошла... Даже собаку пристроить некому», — с горечью подумал Федоров.

— Слышь, а где его похоронили? — обратился он к осмотрщику.

— Там и похоронили, — живо откликнулся тот. — Женка у него давно уж на Гремучем схоронена. И его тоже, вместе чтоб. Дочку не дождалась. Она где-то в экспедиции или на полярной станции. Так и не дождалась. Нас в Гремучий на прошлой неделе разбираться по браку вызывали, — запоздало пояснил он, откуда так подробно все знает.

Поодаль раздался треск, и все повернули головы. Парень в унтах, вывернув горбыль с соседней платформы, заштабелеванной тесом, с мерзлым хрустом обломал его. Другой понимающе кивнул ему.

Парни на рассвете сошли с поезда дальнего следования, которые все теперь здесь останавливались, и ждали обеда, чтобы с попуткой добраться на большую стройку. Они уже побывали в зале ожидания у своих рюкзаков и сейчас возвращались к вагону.

— Ничейная эта псина, — как что-то уже решенное сказал тот, что с ружьем, и стал внимательно разглядывать собаку. — Хорошая шерсть. И окрас приличный.

— Я ж говорю, — хорошие унты получатся, — подтвердил второй, перехватывая половчее горбыль. — Пожалуй, я спра-

ва зайду, удобнее будет. А ты целься в ухо. Только не промажь! — И он с горбылем наперевес стал сбоку подступать к площадке.

Второй парень начал расстегивать футляр.

— Вы что же, здесь его и разделявать будете? — первой опомнившись, с беспокойством спросила фельдшерица.

— Нет, с собой заберем, — доставая ружье и не спуская глаз с собаки, ответил ей парень. Непонятно было, в шутку это или всерьез.

Пес скалился на горбыль, хватал зубами мерзлое дерево, каждый раз ускользавшее от него, разъяренно рычал.

— Когда дам вцепиться — придержу чуть-чуть. Тут и бей, — командовал парень в унтах. — С руки тебе?

— А ну погодь-ка, — спокойно, со стариковской уверенностью сказал Федоров и шагнул вперед. — Оставьте кобелька. Да убери дрын-то, убери! — распаясь, что на него даже не обратили внимания, крикнул он.

Парень с ружьем переломил стволы, вставил два патрона. И только потом обернулся к Федорову:

— Иди, дед. Не мешай. Не дай бог, промажу, а она бешеная.

— Ты не изгаляйся тут! — вконец вскипел Федоров. — Унты им подавай!.. А мы в обмотках сюда приехали.

— Будешь нервничать — кондрат схватит. Знаем мы все это, дед, знаем...

— Ребята, оставили бы собаку, действительно, — нерешительно подал голос осмотрщик. — Февраль уж наступил, холода-то прошли...

Ему не ответили. Парень в унтах сунул горбыль ближе к собаке, она мотая головой, вцепилась в него, пытаясь прижать еще и лапой.

— Ну! — Второй стал поднимать ружье, но Федоров схватил его за руку и не дал прицелиться.

— Да отвалишь ты наконец или нет!... — парень тычком отбросил от себя Федорова.

Костистой грудью старик принял неожиданный удар и задохнулся. Но не от боли в ребрах, которую смягчила стеганная фуфайка — чистая, не замазученная, как обычно, его привычная одежда, десятка два которых он износил за долгую рабочую жизнь. Он стоял с открытым ртом от какой-то внутренней, унижительной боли.

Вся его жизнь прошла на этом разъезде. Он строил первую казарму и домики вокруг, копал колодец и рубил баню, рыл ямы под телеграфные столбы и склады ГСМ. С закрыты-

ми глазами мог отсюда пройти по околотку десятки километров в одну и другую сторону, по первой просьбе остановиться и объяснить, где сейчас находится и что будет по правую руку, а что по левую. Это его дом. Он чувствовал себя здесь хозяином, ибо был причастен ко всему. Сложнейший и отлаженный механизм железной дороги не мог обходиться без Федорова, как и Федоров без него. Так было и при керосиновых фонарях, ручных семафорах и стрелках, так остается и сейчас. «Железку» пока еще трудно представить без костылей, а костыли немыслимы без шпал и рельсов.

«И не пьяные ведь», — старик горько смотрел на парней. Потом выхватил у осмотрщика молоток и двинулся на того, что с ружьем.

— Я вам отвалю, деляги проклятые! Вы у меня вперед смотаетесь. Ишь, р-романтики в полушубках, так и так вас и разэтак!

— Ой!.. В отдел, в отдел... Милицию надо! — засеменила в поисках старшины Панкова фельдшерица.

А дежурная уже повисла на парне в унтах, слабыми ручонками пытаюсь отобрать горбыль.

— Ружье, ружье разряди! — сдерживая размахивавшего молотком Федорова, говорил парню осмотрщик. — Идите, ребята, подобра-поздорову, идите...

Парни, сплевывая и ругаясь, отошли в сторонку, посовещались. Из вокзальчика выскочила фельдшерица, крикнула что-то насчет милиции и юркнула обратно. Послышалось щелканье, треск замерзшей молнии на чехле, ругань. Поскрипывая полушубками, парни ушли.

Потом Федоров сидел в дежурке у Александры — так звали девчонку-дежурную, — которая говорила ему что-то успокаивающее. На плитке посапывал чайник. Пес лежал на полу, настороженно подняв голову. Он отогревался, а потому порой вздрагивал и, как бы стыдясь, сразу гасил эту дрожь, поднимая голову еще выше.

Федоров смотрел на собаку и думал о Тимофеиче, который и после смерти не расстался с Транссибом: лег в землю в двух шагах от насыпи. Придет время — на месте Гремучего встанет какой-нибудь комбинат или рудник и застучат над Тимофеичем молотки по костылям, а потом вагонные колеса на стыках рельсов. Яростно стучится грядущая жизнь, ой, как яростно... Поймут ли нас тогда, вернее, помянут ли?

Федоров поймал себя на мысли, что, думая о Тимофеиче, он невольно думает и о себе. А как же иначе?..

— Спасибо тебе, Шура. — Он поднялся.

— И чего? Чай закипает, — удивилась Александра. — Все жданки небось съели, ожидаючи, — и уходите? Все плитка несчастная... Чуть дышит. Электрики обещают, обещают спираль поставить какую-то мудреную, так все без толку.

— Хлеба мне нужно успеть купить, а то бабка изворчит-ся. — Он взял в руки цепь, и собака тут же вскочила на ноги. — Ну, пойдём... — Федоров запнулся и, помедлив, окрестил пса: — Кондуктор...

Домой он шел медленнее обычного: подстраивался под Кондуктора, у которого, видно, ослабли лапы. Для надежности пес даже выпустил когти, звонко врезавшиеся в почерневший от гари наст. Бедняга, наверно, все последние дни провел на ногах.